

Синицына, Ю. В. Правомерность применения права на самооборону против террористической угрозы в контексте статье 51 Устава ООН / Ю. В. Синицына // Право.by. — 2009. — № 4. — С. 183—188.

ПРАВОМЕРНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА НА САМООБОРОНУ ПРОТИВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 51 УСТАВА ООН

СИНИЦЫНА Ю.В.,

аспирант кафедры международного права факультета международных отношений БГУ

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса правомерности применения вооруженной силы в ответ на террористическое нападение. В статье указаны наиболее спорные моменты в этом вопросе, определены объективные критерии законности применения силы в случае борьбы с террористическими группами вне национальной территории, критерии определения связи государства с террористической организацией. На основе анализа международно-правовых актов, судебных решений, работ зарубежных, российских и белорусских авторов даются ответы на вопросы: может ли террористическое нападение являться основанием для самообороны? Может ли потерпевшее государство применять свое право на самооборону против государства места дислокации террористической организации? Санционировал ли СБ ООН в своих резолюциях 1368 (2001) и 1373 (2001) применение вооруженной силы в ответ на теракты 11 сентября 2001 года?

Summary

This article is devoted to consideration of the legality of use of armed force in response to a terrorist attack. The article identifies the most contentious issues in this matter, determine the objective criteria for the legality of the use of force in the case of combating terrorist groups outside the national territory and the criteria for determining the relations between the state and a terrorist organization. Based on the analysis of international legal acts, court decisions, research of foreigners, Russian and Belarusian authors' to answer the questions about: whether is the terrorist attack as a basis for self-defense? Will be able the injured State apply its right to defend itself against the state locations of the terrorist organization? Does the UN Security Council authorized, in its resolutions 1368 (2001) and 1373 (2001) to use of armed force in response of the attacks on 11 September 2001?

В свете новых угроз в современном международном праве вопрос правомерности применения силы для борьбы с террористическими группами приобрел важное значение. Данная проблема неоднократно обсуждалась после принятия Устава ООН на различных уровнях. После террористических нападений 11 сентября 2001 года различные международно-правовые аспекты применения вооруженной силы или угрозы силой получили новое звучание. Однако единогласие относительно правомерности применения силы в случае атаки или угрозы атаки террористической организации в доктрине международного права так и не достигнуто. Цель данной статьи – выявить наиболее спорные моменты в вопросе правомерности самообороны в ответ на террористические акты и определить объективные критерии законности применения силы в случае борьбы с террористическими группами вне национальной территории, что помогло бы исключить случаи злоупотребления правом на самооборону.

Выводы в статье делаются на основе анализа международно-правовых актов, судебных решений, использованы труды белорусских исследователей: Л.В.Павловой, Е.Ф.Довгань, российских ученых: С.В.Черниченко, И.И.Лукашука, Н.В.Прокофьева, С.В.Глотовой и других зарубежных авторов: С.Д.Мерфи, Н.Шривер и др.

Полагаем, что исследование следует начать с поиска ответа на вопрос: были ли теракты приравнены к вооруженному нападению по смыслу ст. 51 Устава ООН? И, следовательно, может ли террористическое нападение являться основанием для самообороны согласно ст. 51 Устава ООН? Согласно ст. 51 Устава ООН единственным правомерным основанием обращения к самообороне является совершенное вооруженное нападение. Вопрос об определении вооруженного нападения имеет большое значение для реализации отдельным государством права на самооборону. Хотя не существует общепринятого определения вооруженного нападения, обычно под ним понимается покушение на территориальную целостность или политическую независимость государства. В доктрине международного права сложилась точка зрения, подтвержденная также решением Международного Суда ООН по делу «Никарагуа против США», принятым 27 июня 1986 г., согласно которой наиболее серьезные и типичные акты агрессии, перечисленные в ст. 3 Определения агрессии 1974 г. [1], составляют содержание вооруженного нападения. В этом же решении Международный Суд ООН расширил понятие косвенной агрессии (под которой изначально понималась засылка государством или от его имени вооруженных банд и наемников, имеющая столь серьезный характер, что это равносильно актам прямой агрессии), включив в нее материальную или иную помощь, предоставление оружия повстанцам, вооруженным бандам. А также был выдвинут критерий «значительного участия государства в действиях негосударственного органа» [2].

В международно-правовой доктрине существуют как противники, так и сторонники признания крупномасштабного теракта в качестве вооруженного нападения. Противники (Г.В.Шармазанашвили [3], И.И.Лукашук [4], Н.В.Прокофьев [5], И.П.Блищенко, В.В.Устинов [6], А.Кассезе) говорят о возможности квалификации актов международного терроризма как актов косвенной агрессии, при совершении которых правомерно пресечение противоправных действий всеми доступными средствами, но в пределах своей территории. Кроме этого, ряд юристов-международников (М.М.Богуславский, В.А.Василенко, С.В.Черниченко) считают, что квалификации государством – жертвой актов косвенного применения вооруженной силы в качестве вооруженного нападения чревато возможностью злоупотреблений [7]. Сторонники высказывают мнение о том, что поддержка террористических или подрывных действий в другом государстве либо поощрение подготовки террористов на своей территории можно приравнивать в соответствии с международным правом к вооруженному нападению на другое государство. Такая позиция в основном преобладает среди представителей англосаксонской школы права (С.Д.Мерфи [8], Н.Дж. Шривер [9] и другие). О.Н.Хлестов и М.Л.Мышляева [10] утверждают, что в связи с возросшей угрозой международного терроризма и возможностью применения террористами оружия массового поражения, акты, подобные террористическому акту 11 сентября 2001 года против США, могут квалифицироваться как вооруженное нападение, основание для самообороны по ст. 51 Устава ООН [11]. Российская ассоциация международного права придерживается мнения, что Совет Безопасности в своих резолюциях 1368 (2001) и 1373 (2001) признал за США право на самооборону в связи с террористическими нападениями 11 сентября 2001 года, однако вместе с тем ставится правильный, по нашему мнению, вопрос о необходимости четко определить, совершение каких террористических актов дает право на самооборону, установить строгие временные рамки и поставить осуществление этого права под контроль Совета Безопасности [12].

На наш взгляд, масштабные акты международного терроризма, влекущие значительные человеческие жертвы и разрушения, организованные при участии,

поддержке или одобрении государства, следует приравнять к вооруженному нападению со стороны этого государства с возможностью обращения к ответным вооруженным мерам. Однако следует учитывать специфику актов международного терроризма, являющихся согласно нормам международного права уголовным преступлением [13, с. 265] и относящихся к актам косвенной агрессии. При этом следует помнить, что только Совет Безопасности ООН правомочен квалифицировать тот или иной акт как акт агрессии (ст. 24, ст. 39 Устава ООН), в том числе и косвенной.

Полагаем, учитывая, что ст. 51 Устава ООН не конкретизирует субъект вооруженного нападения, а, следовательно, им кроме государства может быть и любой другой автор [13, с. 264] (в том числе и террористическая организация), важным является критерий «непосредственного контроля» и последующее одобрение (выражаемое в том числе молчаливым согласием или отказом предпринимать меры по привлечению к ответственности и ликвидации таких террористических организаций) со стороны государства, который и определяет степень виновности государства за совершение актов международного терроризма, а, следовательно, правомерность обращения к самообороне. Учитывая вышеназванные особенности, считаем, что ответные вооруженные меры на крупномасштабные акты международного терроризма (косвенная агрессия) должны применяться не по усмотрению отдельно взятого государства, а по решению Совета Безопасности, на основании сведений о контроле, поддержке, одобрении, помощи таким террористическим организациям и мер, предпринимаемых названным государством для ликвидации таких террористических организаций.

Вместе с тем, следует согласиться с точкой зрения Л.В.Павловой, указывающей, что приравнивание актов международного терроризма к вооруженному нападению делает проблемным вопрос о применении норм гуманитарного права к исполнителям теракта. По нормам международного права террорист является уголовным преступником и аналогично наемникам не имеет ни статуса военнопленного, ни статуса комбатанта. Следовательно, на основании оговорки Мартенса к террористам при их задержании и аресте и в течение судебного процесса необходимо применять принципы гуманности и недопустимости использования мер, запрещенных гуманитарным правом [13, с. 269].

Другой важный для нашего исследования вопрос касается того, может ли потерпевшее государство применять свое право на самооборону против государства места дислокации террористической организации, ответственной за теракты в потерпевшем государстве? Критерии определения связи государства с террористической организацией. Нормы международного права всегда исходили из предположения, что споры и их разрешение происходят именно между государствами или между теми, кто действует от их имени. С одной стороны, ни положения Устава, ни обычное право не требуют доказательства участия государства в совершенном вооруженном нападении в качестве обязательного условия. Например, дело судна Каролина (1837 г.) было связано с действиями негосударственных агентов [14]. Следовательно, можно логически предположить, что применять силу можно и в ответ на вооруженное нападение негосударственных субъектов. С другой стороны, многие авторы (Ф.Бойле [15], А.Кассесе [16], Е.П.Дж.Майер [17], О'Коннелл [18]; Н.В.Прокофьев, С.В.Черниченко) подчеркивают, что, хотя статья 51 Устава ООН явно не предусматривает, что вооруженное нападение должно осуществляться исключительно государством, не вызывает сомнения, что разработчики Устава вложили в статью именно такое значение. Соответственно, можно сделать вывод, что действия частных лиц сами по себе не рассматриваются как вооруженное нападение и не являются основанием для обращения к самообороне по статье 51 Устава ООН.

На основании норм международного права проведем собственное исследование относительно правомерности применения вооруженной силы против государства места дислокации террористической организации, ответственной за крупномасштабные теракты. Вооруженное нападение по своей сути является нарушением нормы, запрещающей

применение силы или угрозы силой. Международный суд ООН по делу Никарагуа против США установил некоторые признаки вооруженного нападения, а также принципы пропорциональности и соразмерности, которыми необходимо руководствоваться при обращении к самообороне, подчеркнул принцип невмешательства во внутренние дела других государств [2, 20] и указал, что «... в современном международном праве не существует никакой общей нормы интервенции в поддержку внутренней оппозиции в государстве» [2, § 205, 209]. Как уже отмечалось выше, в своем решении Суд зафиксировал, что вооруженное нападение предполагает не только действия регулярной армии. Из этого следует, что государство, действующее на территории другого государства, через засылаемые им вооруженные банды наемников, террористов, совершаемые террористические акты, влекущие значительные жертвы среди населения, по смыслу международного права совершают акт агрессии. Соответственно пострадавшее государство имеет право на самооборону согласно статье 51 Устава ООН.

Однако согласно действующему международному праву государство несет ответственность за деятельность частных лиц только в том случае, если оно само было вовлечено в противоправную деятельность. При этом чрезвычайно важным является вопрос, насколько существенной была такая вовлеченность. Для этого используются критерии определения взаимосвязи между государством и террористами. Так в проекте статей КМП «Об ответственности государств за международно-противоправные деяния» 2001 года (ст. 8) говорится, что государство несет ответственность за действия лица (группы лиц), а такое преступное деяние признается деянием государства «если это лицо или группа лиц фактически действует по указанию либо под руководством или контролем этого государства при осуществлении такого поведения» [20]. Следовательно, если причастность Правительства не доказана, неправомерно говорить об акте агрессии со стороны государства, ответственность несут только физические лица (группа лиц). В этом случае ответные действия возможны только в рамках собственной территории пострадавшего государства. Для признания ответных вооруженных мер правомерными необходимо удовлетворение критерия законности. По мнению Международного суда (дело «Никарагуа против США» (1986 г.), критерий заключается в том, осуществляет ли данное государство или государства «реальный контроль» над правонарушителями [2, р. 62–65]. Международный трибунал для бывшей Югославии дополнил данный критерий требованием наличия «существенного, эффективного и полного контроля» государством над деятельностью таких формирований [21]. Кроме этого, Международный Суд ООН (Дело о тегеранских заложниках 1979 г.) признал, что доказательством ответственности государства служит последующее одобрение или санкционирование преступных действий [22]. Следовательно, можно сделать вывод, что доказательством ответственности государства за действия террористической организации служит последующее одобрение или санкционирование террористических действий.

В международном праве не признается прямая ответственность государства, на территории которого были организованы преступления. Это подтверждается в решении Международного Суда ООН 1949 года по делу о канале Корфу (Великобритания против Албании) [23]. При этом одного лишь знания властей о действиях, способных вызвать подозрения в подготовке террористических актов недостаточно для определения виновности государства, поскольку при таком подходе многие страны оказались бы потенциально ответственными за непредотвращение таких актов. Из этого следует, что государство, на территории которого готовился террористический акт, будет нести ответственность за действия террористов, только если оно осуществляло «реальный контроль» (оказывало им помощь или если в последующем действия террористов были одобрены). Таким образом, для правомерного применения самообороны в отношении государства места дислокации террористической организации нужно, чтобы деяния террористов были признаны деяниями государства, а не частных лиц. Следовательно, вопрос об использовании вооруженной силы на территории государства дислокации

террористов в ответ на террористические акты должен решаться в каждом конкретном случае на основании вышеназванных критериев.

Санционировал ли СБ ООН в своих резолюциях 1368 (2001) и 1373 (2001) применение вооруженной силы в ответ на теракты 11 сентября 2001 года? Критерии правомерности ответных вооруженных мер на теракт. Согласно Уставу ООН констатация СБ ООН угрозы международному миру и безопасности не является автоматически санкцией на одностороннее использование силы, если только не имело место вооруженное нападение. На сегодняшний день только в резолюции 84 от 1950 года [24] Совет Безопасности признал угрозу международному миру и безопасности в качестве санкции на применение вооруженной силы. Наибольший резонанс и споры вызывают резолюции СБ ООН, принятые после террористических актов 11 сентября 2001 года. В преамбуле резолюции 1368 (2001) СБ ООН признается неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии с Уставом [25]. В преамбуле резолюции 1373 (2001) указывается на необходимость бороться всеми средствами в соответствии с Уставом с угрозами для международного мира и безопасности, создаваемыми террористическими актами. В статье 2 (b) резолютивной части документа призывается принимать все необходимые меры в целях предотвращения террористических актов [26]. В резолюции 1377 (2001) Совет Безопасности признал акты международного терроризма угрозой международному миру и безопасности [27].

Относительно толкования положений данных резолюций в доктрине сложилось два противоположных мнения. С одной стороны, Российская ассоциация международного права [28], ряд российских авторов (О.Н.Хлестов, М.Л.Мышляева [10]), американских авторов (С.Д.Мерфи [8], Н.Дж.Шрайвер [9]) придерживаются мнения, что Совет Безопасности своими резолюциями 1368 (2001) и 1373 (2001) санкционировал США право на самооборону.

На наш взгляд, верно утверждение другой стороны о том, что ни о какой санкции со стороны Совета Безопасности на действия в порядке самообороны речи не идет. Так американский исследователь М.Байерс считает, что целью резолюции 1368 (2001) было побуждение США к международному сотрудничеству в свете новой угрозы международному миру и безопасности [29]. Более того, подтверждение права на самооборону содержалось в преамбуле, а не в постановляющей части резолюции. Также на момент принятия резолюций не был известен исполнитель террористических актов, а следовательно, СБ ООН не мог заочно санкционировать вооруженные действия против неизвестного субъекта, не оценив всех обстоятельств. Кроме этого, как известно, право на самооборону неотъемлемо и не требует санкций со стороны СБ ООН, который дает оценку правомерности и соразмерности ответных действий [30, 31]. По мнению И.И.Лукашука [4, с. 123], Н.В.Прокофьева [5, с. 47–49], использование права на самооборону после констатации Советом Безопасности угрозы международному миру и безопасности может привести к нарушению международного права и к неправомерному использованию самообороны. Более того, самооборона должна прекратиться с прекращением вооруженного нападения. Вооруженные же действия США против Афганистана были начаты почти через месяц после того, как нападение уже было совершено и не существовало каких-либо убедительных доказательств вероятности повторения атак. Современное международное право признает неправомерной превентивную самооборону. Таким образом, СБ ООН своими резолюциями не давал США права на использование силы против Афганистана, следовательно действия США являются репрессалиями с применением вооруженной силы, использование которых в мирное время запрещено международным правом.

Вместе с тем, следует отметить, что угроза, которую представляют собой акты международного терроризма, сделала необходимым признание крупномасштабных террористических актов с большим количеством жертв и разрушений в качестве вооруженного нападения по смыслу ст. 51 Устава ООН. Поэтому констатацию терроризма

в качестве угрозы международному миру и безопасности, а также его квалификацию в многочисленных резолюциях СБ ООН (резолюции 1368 (2001), 1373 (2001), 1438 (2002), 1440 (2002), 1456 (2003), 1611 (2005)) как преступления можно квалифицировать как основу для признания актов международного терроризма в качестве вооруженного нападения, а также свидетельствует о формировании международного обычая признания определенной категории террористических актов международными преступлениями. Во избежание злоупотреблений в толковании права на самооборону СБ ООН должен четко определить: 1. Какие террористические акты будут рассматриваться как вооруженное нападение на государство и, следовательно, давать право на самооборону. 2. Временные рамки для нанесения ответного вооруженного удара. 3. При какой степени вовлеченности государства, места дислокации террористической организации возможно вторжение в это государство.

Кроме этого, вопросы современных угроз международному миру и безопасности, расширения права на самооборону рассматривались Международной комиссией по проблеме интервенции и суверенитета, представившей свой доклад в декабре 2001 года и Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. В Докладе Группы высокого уровня были определены шесть основных блоков угроз (в том числе терроризм); представлено четкое определение терроризма и содержится призыв заключить всеобъемлющую конвенцию о терроризме; были разработаны пять критериев легитимности, которые должны всегда учитываться потерпевшим государством или Советом Безопасности при принятии решения о применении или одобрении, санкционировании применения вооруженной силы в ответ на совершенное нападение или угрозу международному миру и безопасности, а именно: 1) серьезность угрозы; 2) правильная цель; 3) крайнее средство; 4) соразмерность средств; 5) сбалансированный учет последствий [32, п. 207]. И, самое главное, в данном Докладе еще раз подчеркивается, что ст. 51 Устава ООН носит ограничительный характер [32, п. 192].

Обобщая вышеизложенное, полагаем, что для успешной борьбы с международным терроризмом и ликвидации существующих пробелов целесообразны: 1) выработка четкого определения термина «вооруженное нападение»; 2) доработка, принятие и последующая ратификация как можно большим количеством государств Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму; 3) окончательный перевод терроризма из категории преступлений международного характера в категорию международных преступлений; 4) дальнейшая работа в направлении квалификации масштабного террористического акта в качестве вооруженного нападения с обязательной выработкой критериев приравнивания отдельного теракта к вооруженному нападению; 5) выработка критериев, по которым можно достоверно определить наличие связи государства с террористическими организациями. Представляется также необходимым, чтобы в случае крупного теракта Совет Безопасности подтверждал возникновение у государства права на применение вооруженной силы против государства места дислокации террористов. Такое право, по мнению автора, возникает только в случае наличия неопровержимых доказательств связи государства с террористами (контроль, оказание помощи, одобрение).

ЛИТЕРАТУРА

1. Определение агрессии: Резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН, 14 дек. 1974 г. // *Междунар. публичное право: сб. док.: в 2 т. / сост.: К.А. Бекашев, А.Г. Ходаков.* – М.: Изд-во БЕК, 1996. – Т. 2. – С. 3–5.

2. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (1986)* // *International court of Justice [Electronic resource].* – 1986. – Mode of access: <http://www.icj-cij.org/docket/files/70/6485.pdf>. – Date of access: 24.01.2009.

3. Шармазанашвили, Г.В. Самооборона в Международном праве / Г.В. Шармазанашвили. – М., 1973. – С. 57.

4. Лукашук, И.И. Терроризм и международное право / И.И. Лукашук // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. – М.: Наука, 2002. – С. 120.
5. Прокофьев, Н.В. К вопросу о борьбе с международным терроризмом на территории иностранных государств / Н.В. Прокофьев // Моск. журн. междунар. права. – 2003. – № 1. – С. 45, 49.
6. Устинов, В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика / В.В. Устинов. – М.: Юрлитинформ, 2002. – С. 310.
7. Курс международного права: в 7 т. Т. 3: Основные институты международного права / отв. ред. Н.А. Ушаков. – М.: Наука, 1990. – 260 с.
8. Murphy, S.D. Terrorism and the concept of «armed attack» in article 51 of the UN Charter / S. Murphy // Harvard International Law Journal. – Winter 2002. – Vol. 43 (1). – P. 45.
9. Schrijver, N.J. Responding to International Terrorism: Moving the Frontiers of International Law for «Enduring Freedom»? / N.J. Schrijver // Netherlands International Law Review. V. XLVIII. – 2001/3. – P. 276.
10. Хлестов, О.Н. Вооруженная борьба против международного терроризма / О.Н. Хлестов, М.Л. Мышляева // Моск. журн. междунар. права. – 2001. – № 4. – С. 18.
11. Хлестов, О.Н. Международно-правовые аспекты борьбы с терроризмом / О.Н. Хлестов // Рос. ежегодник междунар. права. – СПб.: Россия-Нева, 2002. – С. 310.
12. Заявление Российской ассоциации международного права о международном терроризме // Моск. журн. междунар. права. – 2002. – № 2. – С. 226.
13. Павлова, Л.В. Правомерность применения статьи 51 Устава ООН (права на самооборону) против актов международного терроризма / Л.В. Павлова // Рос. ежегодник междунар. права. Спец. выпуск. – 2003. – С. 26.
14. Caroline Case. [Correspondence between Great Britain and the United States of America. The Destruction of the Steamboat Caroline] Correspondence of March-April 1841–July-August 1842 // Landmark cases in Public International Law / ed. by E. Heinze & M. Fitzmaurice. – London: Kluwer Law International, 1998. – P. 1254.
15. Boyle, F.A. The Entebbe Hostages crisis / F.A. Boyle // The Indian Journal of International Law. – 1982. – V. 22. – № 2. – P. 222.
16. Cassese, A. Terrorism is also disrupting some crucial legal categories of international law / A. Cassese // European Journal of International Law. – 2001. – № 12(5). – P. 995, 997.
17. Myjer, E.P.J. The Twin Towers Attack: An Unlimited Rights to Self-defense? / E.P.J. Myjer, N.D. White // Journal of Conflict and Security Law. – 2002. – V. 7. – № 1. – P. 7.
18. O’Connell, M.E. Evidence of Terror / M.E. O’Connell // Journal of Conflict and Security Law. – 2002. – V. 7. – № 1. – P. 28.
19. Reisman, M. The Laws of War / M. Reisman, C. Antonius. – New York, 1994. – P. 98.
20. Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts // Yearbook of the International Law Commission. GAOR 56th session. Supplement N 10 (A/56/10). – 2001. – V. II. – Part 2. – P. 43, 45, 104.
21. Prosecutor v. Tadic, Judgment (1999) // ICTY. Appeals Chamber., I.L.M. – 1999. – V. 38. – P. 1518. – Para 137.
22. United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v. Iran) // International court of Justice [Electronic resource]. – 1949. – Mode of access: <http://www.icj-cij.org/docket/files/64/6291.pdf>. – Date of access: 20.03.2009.
23. Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania) // International court of Justice [Electronic resource]. – 1949. – Mode of access: <http://www.icj-cij.org/docket/files/1/1645.pdf>. – Date of access: 21.03.2009.
24. Резолюция 84 (1950). S/RES/84 (1950) // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 1992. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1950/res84.htm>. – Дата доступа: 25.03.2009.

25. Резолюция 1368 (2001). S/RES/1368 (2001) // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2001/res1368.htm>. – Дата доступа: 25.03.2009.
26. Резолюция 1373 (2001). S/RES/1373 (2001) // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2001/res1373.htm>. – Дата доступа: 25.03.2009.
27. Резолюция 1377 (2001). S/RES/1377 (2001) // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2001/res1377.htm>. – Дата доступа: 25.03.2009.
28. Заявление Российской ассоциации международного права о международном терроризме // Моск. журн. междунар. права. – 2002. – № 2. – С. 226.
29. Byers, M. Terrorism, the Use of Force and International law after 11 September 2001 / M. Byers // *International and Comparative Law Quarterly*. – 2002. – V. 51. – Part 2. – P. 401.
30. Глотова, С.В. Расширение полномочий Совета Безопасности: вопросы правомерности / С.В. Глотова // *Журн. междунар. права*. – 2005. – № 3. – С. 140.
31. Довгань, Е.Ф. К вопросу о правомерности вооруженных антитеррористических мер в контексте принципа невмешательства / Е. Довгань // *Бел. журн. междунар. права и междунар. отношений*. – 2003. – № 3. – С. 7–8.
32. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. A/59/565 [Electronic resource]. – 2004. – Mode of access: www.un.org/russian/secureworld/report.htm. – Date of access: 20.03.2008.